E2 6/82

III 7/80

C2 6/82

E26/82

XI A1.

21 Присужд. Демид. нагр. 1852.

РАЗБОРЪ

РАЗСУЖДЕНІЯ

Г. СЕМЕНА ПАХМАНА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

О СУДЕБНЫХЪ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХЪ

ПО

ДРЕВНЕМУ РУССКОМУ ПРАВУ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ГРАЖДАНСКОМУ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ИХЪ РАЗВИТІИ.

Москва, 1851. 8°.

СОСТАВЛЕННЫЙ

Профессоромъ С. ПБ. Университета

БАРШЕВЫМЪ.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 475841
193 г.

Изслѣдованіе историческаго развитія юридическихъ предметовъ есть трудъ, который въ настоящее время встрѣчаютъ привѣтливо не одни юристы. Въ этомъ заключается, между прочимъ, важное и необходимое условіе успѣховъ Исторіи вообще. Поэтому разсужденіе Г. Пахмана, въ которомъ изложено историческое развитіе судебныхъ доказательствъ по древнему Русскому праву преимущественно гражданскому, составляетъ вообще отрадное явленіе въ нашей литературѣ, въ особенности юридической. Оно состоитъ изъ *введенія* и *двухъ періодовъ*.

Прежде разсмотрѣнія содержанія и достоинства каждой изъ этихъ трехъ частей разсужденія, нужно опредѣлить существо задачи, которую хотѣлъ разрѣшить сочинитель, собственный взглядъ его на нее и отношеніе сочиненія къ ней.

I. Вообще говоря, разсужденіе въ историческомъ развитіи какого бы то ни было юридическаго предмета требуетъ необходимо выполненія двухъ существенныхъ условій. Съ одной стороны оно должно заключать въ себѣ основательное, отчетливое и критическое изложеніе фактической стороны изслѣдываемаго предмета, а съ другой историко-философскій взглядъ на него, т. е изслѣдованіе существа его и тѣхъ главныхъ началъ и причинъ, которыми опредѣлялось органическое развитіе его, и которыми только объясняется истинный смыслъ и значеніе фактовъ. Первое безъ послѣдняго доставляетъ только сухое знаніе фактовъ — познаніе только того, что было и какъ

было; послѣднее безъ перваго есть только что готовая теорія — одно отвлеченное понятіе. Взятыя вмѣстѣ эти два условія удовлетворяютъ двумъ существеннымъ задачамъ исторической любознательности: онѣ приводятъ къ познанію того, что и какъ было, и вмѣстѣ того, почему это такъ, а не иначе, было. Этими двумя путями узнается и внѣшняя, лицевая сторона предмета, и его внутренній организмъ и настоящее существо и значеніе въ главные моменты историческаго развитія его. —

Г. Пахманъ сознаетъ необходимость того и другаго воззрѣнія на историческое развитіе судебныхъ доказательствъ подревнему Русскому праву, но ограничиваетъ свое разсужденіе преимущественно фактическою разработкою предмета. Вотъ что говоритъ онъ объ этомъ въ своемъ предисловіи (стр. 5): «для того, чтобы представить историческое образованіе и развитіе «какого либо юридическаго учрежденія, необходимо открыть «главныя начала, изъ которыхъ вытекли важнѣйшіе моменты «или ступени органическаго развитія его, и которыя бы объясняли «истинное значеніе и смыслъ явленій, выражающихъ это раз«витіе. Понимая вполнѣ, что открытіе такихъ началъ, усло«вливаемое историко-философскимъ воззрѣніемъ, представляется «весьма труднымъ по отношенію ко всякому предмету, а тѣмъ «болѣе по отношенію къ предмету столь многосложному, какъ «исторія судебныхъ доказательствъ, находящаяся въ тѣсной «связи со многими другими историческими явленіями въ области «права, мы отклоняемъ отъ себя выполненіе столь обширной «задачи; въ настоящемъ же разсужденіи, хотя и рѣшились вы«ставить нѣкоторыя начала или причины, которыми условли«валось, или могло условливаться историческое развитіе судеб«ныхъ доказательствъ, но преимущественно имѣли въ виду «практическую разработку предмета.»

II. Въ краткомъ *введеніи* (стр. 1 — 4) авторъ показываетъ необходимость раздѣлить исторію избраннаго имъ предмета на періоды, основанія дѣленія, самые періоды — 1-й до начала XV вѣка и 2-й отъ начала XV вѣка до половины XVII и отличи-

тельный характеръ системы судебныхъ доказательствъ въ томъ и другомъ періодѣ.

Мысли, изложенныя въ этомъ введеніи, повторяются и изъясняются болѣе пространнымъ образомъ въ исторіи перваго періода; поэтому судъ о нихъ будетъ данъ ниже. Здѣсь нельзя не указать на нѣкоторую сбивчивость и противорѣчія въ понятіяхъ автора:

На стр. 1-й онъ говоритъ: «обращаясь къ предмету настоя-«щаго разсужденія, мы замѣчаемъ, что *весьма трудно уловить* «*главныя* движущія *начала*, которыми опредѣлялось и условлива-«лось историческое развитіе судебныхъ доказательствъ у насъ «до половины XVII вѣка, и съ тѣмъ вмѣстѣ *трудно обозначить* «важнѣйшіе *моменты или эпохи этого развитія*.» На слѣдующей же 2-й стр. судитъ объ этомъ такъ: «Въ самомъ дѣлѣ, *при-«знаки одного періода довольно рѣзко могутъ быть различены отъ «признаковъ другаго*, сколько мы могли заключить изъ содержанія «дошедшихъ до насъ юридическихъ памятниковъ.» —

На стр. 3-й и 4-й сказано: отъискивая причины явленій или признаковъ, послужившихъ для насъ основаніемъ разграниченія двухъ періодовъ, *мы нашли*, что онѣ большею частію, скрываются въ сущности и постепенномъ развитіи туземнаго быта, а разсматривая явленія этого быта, мы *невольно встрѣтились и т. д.* Читатель ненаходитъ вовсе у сочинителя доказательствъ этихъ выводовъ: *мы нашли*, *невольно встрѣтились*, *замѣтили*. Сочинитель намѣкаетъ, конечно, на то, что имъ говорено на стр. 2-й въ началѣ; но изъ сказаннаго здѣсь видно только, что онъ принялъ на вѣру какую-то чужую теорію. —

По мнѣнію сочинителя (стр. 4) *первый* принимаемый имъ періодъ, — до XV вѣка — отличается *преобладаніемъ* быта *родоваго* и находящагося съ нимъ въ органической связи быта *общиннаго*, а второй *преобладаніемъ* начала *государственнаго*. Потомъ на 14 стр. авторъ говоритъ, что родовой бытъ сталъ скоро *ослабѣвать* и еще предъ пришествіемъ Варяговъ уступилъ свое мѣсто *общинному*. Далѣе на стр. 139 читаемъ: «За общую «основу всѣхъ юридическихъ явленій разсмотрѣннаго нами пе-

«ріода мы приняли бытъ *общинно родовой*. Но уже выше было «замѣчено, что этотъ бытъ весьма рано началъ разлагаться и «*ослабѣвать* въ пользу новаго, высшаго порядка вещей. Первыя «начала гражданственности принесены были уже къ намъ *Ва*«*рягами*. . . . . Эти мѣры (Варяжскихъ Князей) способствовали «къ введенію въ бытъ нашихъ предковъ новаго элемента *госу*«*дарственнаго*.» Также на стр. 150 говорится, что распаденіе древняго общиннаго быта началось еще со времени пришествія Варяговъ. Слѣдовательно первая система судебныхъ доказательствъ, основанная на преобладающемъ общиннородовомъ бытѣ, была господствующею только до Варяговъ. Почемуже, спрашивается, авторъ первый періодъ, къ которому онъ относитъ эту систему, ведетъ до XV вѣка, тогда какъ начала общиннородоваго быта съ Рюрика не были уже преобладающими, а болѣе и болѣе ослабѣвающими. —

III. Обращаясь къ исторіи *перваго* періода — до XV в. — находимъ въ ней *три* отдѣленія. *Въ 1-мъ* Г. Пахманъ предлагаетъ взглядъ на образованіе и развитіе системы судебныхъ доказательствъ вообще; *во 2-мъ* обзоръ судебныхъ доказательствъ порознь; а въ 3-мъ обзоръ ихъ въ взаимномъ отношеніи. Дѣленіе это основано на главныхъ сторонахъ, въ которыхъ слѣдуетъ разсматривать избранный предметъ. Разсмотримъ, каково содержаніе этихъ главныхъ отдѣловъ.

А., Содержаніе *перваго отдѣленія* составляютъ большею частію предположенія и общія теоретическія понятія, невыведенныя изъ историческихъ фактовъ или не доказанныя ими. Оно выражено авторомъ главнымъ образомъ въ первыхъ трехъ положеніяхъ, приложенныхъ имъ къ разсужденію.

Въ первомъ положеніи сказано, что образованіе и развитіе древней Русской системы судебныхъ доказательствъ условливалось преимущественно туземными началами, опредѣлявшими жизнь нашихъ предковъ — именно *родовымъ* и *общиннымъ* бытомъ ихъ. —

Что касается *вообще* до этого родоваго, общиннаго и противоположнаго имъ государственнаго быта, то 1) изъ словъ автора (стр. 2) видно, что ученіе это есть у него чужая теорія, заимствованная у другихъ, которой онъ вѣритъ и не вѣритъ; 2) родовой и общинный бытъ находятся въ органической связи между собою (стр. 4), второй есть только продолженіе или дальнѣйшее развитіе перваго (стр. 24); между тѣмъ явленія, ими производимыя, совершенно противоположны; по автору они суть даже враждебные другъ другу элементы. Что творитъ одинъ, то разрушаетъ въ свою очередь другой; ср. стр. 13 съ 78. Впрочемъ, гдѣ нужно автору тамъ дѣйствія того и другаго быта одинаковы стр. 24.

Въ частности все вліяніе *перваго* туземнаго начала или *родоваго* быта на образованіе системы судебныхъ доказательствъ Г. Пахманъ сосредоточиваетъ и выражаетъ въ томъ выводѣ, что во время этого быта судебныхъ доказательствъ *быть не могло*, что объ нихъ *не могло быть даже и помину*, стр. 13, что всякой *истецъ* пользавался тогда *полнымъ довѣріемъ* и всякой *искъ* и показаніе признавались *несомнѣнно вѣрными*. Слѣдовательно наша древняя система судебныхъ доказательствъ ничѣмъ неодолжена этому родовому быту! —

Вліяніе *втораго* туземнаго начала или *общиннаго* быта на образованіе системы судебныхъ доказательствъ высказано въ слѣд. словахъ (стр. 18): «Нѣтъ сомнѣнія, что съ постепеннымъ ослабленіемъ *родственнаго союза* должна была поколебаться и ослабѣть одна изъ важнѣйшихъ основъ *кровнаго*, *родоваго* быта — взаимное довѣріе. (Я подчеркнулъ нѣкоторыя изъ приведенныхъ выраженій намѣренно для того, чтобы дать почувствовать, что авторъ смѣшиваетъ союзъ *кровный родственный* съ *родовымъ* бытомъ. При этомъ кстати замѣтимъ, что взаимное, безусловное довѣріе сродно родственному союзу, а не родовому быту). Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ систему суда и расправы долженъ былъ проникнуть духъ недовѣрчивости, тѣмъ болѣе, что домашняя расправа отца семейства или домоначаль-

ника стала мало по малу терять исключительное примѣненіе въ рѣшеніи дѣлъ спорныхъ. *Изъ недовѣрчивости должна была возникнуть мысль о возможности несправедливаго иска или обвиненія* и найти *подтвержденіе* себя въ дѣйствительности и т. д. Однимъ словомъ общинный бытъ, по мнѣнію автора, заставилъ членовъ его придумать извѣстныя судебныя доказательства потому, что породилъ взаимную недовѣрчивость, а недовѣрчивость возбудила мысль о возможности несправедливаго иска; дѣйствительность только подтвердила эту мысль. Кажется, что на дѣлѣ бываетъ на оборотъ, въ особенности у людей простыхъ, каковы всѣ члены общиннаго быта; они тогда начинаютъ не вѣрить голословному показанію кого либо, когда испытываютъ дѣйствительно его невѣрность и недобросовѣстность. — Сверхъ этого общаго замѣчанія относительно взгляда Г. Пахмана на вліяніе общиннаго быта на образованіе древней системы судебныхъ доказательствъ, слѣдуетъ еще замѣтить: 1) то, что теорія общиннаго быта довела его до того заключенія, будтобы самоуправство и частная месть образовались въ особенности во время этого быта и раскрылись теперь въ столь обширныхъ размѣрахъ, что признаны были закономъ стр. 18; какъ будтобы извѣстныя статьи договоровъ съ Греками и Русской Правды имѣли цѣлію признаніе мести со стороны закона, а не ограниченіе ея! 2) привязанность сочинителя къ общинному быту заставила его дѣлать разныя догадки, чтобы доказать общинное происхожденіе т. н. *повальнаго обыска*. Сколь мало убѣжденъ въ этомъ самъ онъ, то видно изъ того, что въ послѣдствіи, при отдѣльномъ разсмотрѣніи судебныхъ доказательствъ перваго періода, почти вовсе неупоминаетъ о повальномъ обыскѣ.

Второе положеніе, въ которомъ Г. Пахманъ выражаетъ свой общій взглядъ на систему судебныхъ доказательствъ перваго періода, опредѣляетъ отношеніе къ этой системѣ Германскаго и Византійскаго элемента. Вліяніе *Германскаго* элемента на нее признаетъ онъ вообще незначительнымъ, вопреки обыкновенному мнѣнію. Излишняя привязанность большей части

изслѣдователей нашей старины къ этому элементу придаетъ еще болѣе цѣны выводамъ автора; впрочемъ онъ измѣняетъ по мѣстамъ самъ себѣ, и недостатокъ историческихъ доказательствъ на многія изъ своихъ предположеній старается дополнить заимствованіемъ изъ источниковъ Германскаго права. Напр. стр. 71, 76, 77, 78, 79, 80, 131. — Вліяніе *Византійскаго элемента* на развитіе древней нашей системы доказательствъ Г. Пахманъ признаетъ болѣе значительнымъ и долговременнымъ; но положеніе это подтверждается одними только общими выводами и ссылкою по мѣстамъ на одинъ только памятникъ, т. н. *Законъ судный людемъ*.

Третье положеніе, (которому по порядку, принятому въ сочиненіи, слѣдовало бы быть вторымъ), выражаетъ мысль сочинителя, что древнѣйшая система судебныхъ доказательствъ обнаруживаетъ *господство* суевѣрія и грубыхъ заблужденій. Сочинителя нельзя бы было винить на этотъ разъ въ какой либо ошибкѣ, ежели бы онъ въ этой системѣ видѣлъ одни только *слѣды*, а не *господство* суевѣрія и грубыхъ заблужденій. У насъ суды Божіи или ордаліи вовсе неиграли такой роли и не состояли подъ господствомъ такого суевѣрія, какъ въ Германіи.

B. *Второе отдѣленіе* въ исторіи перваго періода содержитъ въ себѣ *обзоръ судебныхъ доказательствъ порознь*. Г. Пахманъ излагаетъ здѣсь исторію собственнаго признанія, признаковъ нарушенія правъ, показаній свидѣтелей и судовъ Божіихъ, какъ то: испытанія желѣзомъ и водою, присяги, судебнаго поединка и жребія.

C. *Въ третьемъ отдѣленіи* находимъ *обзоръ судебныхъ доказательствъ во взаимномъ ихъ отношеніи*. Сочинитель съ замѣчательнымъ остроуміемъ и тонкимъ соображеніемъ опредѣляетъ значеніе каждаго изъ разсмотрѣнныхъ выше доказательствъ въ ряду другихъ и взаимное отношеніе ихъ по различію предметовъ иска.

Два эти отдѣленія составляютъ лучшую часть въ цѣломъ разсужденіи. Изслѣдованія, которыя находимъ въ нихъ, об-

наруживаютъ въ сочинителѣ основательное изученіе памятниковъ, полное знакомство съ изслѣдованіями другихъ, здравый критическій смыслъ, искуство изъ частныхъ, несвязныхъ указаній созидать стройное цѣлое. Въ нихъ имѣемъ мы отчетливое и подробное изложеніе и разработку историческаго матеріала, надъ которымъ трудился сочинитель.

Къ незначительнымъ недостаткамъ этихъ частей разсужденія относятся: 1) нѣкоторыя предположенія автора, неподтвержденныя фактами, напр. стр. 50 о вѣроятномъ заимствованіи у Германцевъ требованія свободнаго происхожденія свидѣтелей; стр. 70 о замѣнѣ ордалій судебными поединкаим; см. также стр. 71, 72, 97; — 2) Разсужденія и выводы, для которыхъ самъ авторъ ненаходитъ никакого матеріала въ юридическихъ памятникахъ, напр. о порядкѣ представленія и вызова свидѣтелей, о послѣдствіяхъ неявки ихъ (стр. 62) и о порядкѣ допроса ихъ стр. 65. 3) Ошибочныя мнѣнія: таковы напр. объясненіе статьи Русской Правды объ испытаніи истца стр. 75, причисленіе присяги къ судамъ Божіимъ или ордаліямъ стр. 36, 81, 89, ср. ст. 125 и 130. 4) Противорѣчіе своимъ мнѣніямъ, напр. ср. сказанное о присягѣ свидѣтелей на стр. 63 съ 75, о безусловной и условной силѣ ихъ показаній стр. 47 и 75, о происхожденіи у насъ судебнаго поединка стр. 110 и 114, о присягѣ 24, 36, 81, 89 и 125—130 стр. 5) Общіе, длинные взгляды на нѣкоторые предметы, въ которыхъ нѣтъ нужды, напр. разсужденіе о религіозномъ значеніи присяги стр. 82 — 86. 6) Пространное, ненужное для предмета разсужденія, изображеніе нѣкоторыхъ судебныхъ доказательствъ и состоянія ихъ у Германцевъ, напр. стр. 67, 70, 71, 76 — 80, 86, 106, 109, 119.

IV. *Въ исторіи втораго періода* Г. Пахманъ слѣдитъ за развитіемъ нашей системы судебныхъ доказательствъ отъ начала XV до половины XVII вѣка. Здѣсь онъ предлагаетъ напередъ нѣкоторыя общія замѣчанія, относительно историческаго развитія ихъ въ это время и потомъ дѣлаетъ краткій очеркъ ихъ порознь. —

Чего должно ожидать отъ изслѣдованій сочинителя въ этомъ второмъ періодѣ, то предъявилъ самъ онъ, въ началѣ разсужденія, въ слѣдующихъ словахъ стр. 4: «Что касается «до втораго періода, то мы ограничились болѣе краткимъ очер- «комъ измѣненій, происшедшихъ въ системѣ судебныхъ доказа- «тельствъ, частію потому, что этотъ періодъ довольно подробно «разсмотрѣнъ въ сочиненіяхъ, посвященныхъ исторіи древняго «нашего судопроизводства вообще, а болѣе для того, чтобы не «разширить обычныхъ рамъ академическаго разсужденія.» Въ самомъ дѣлѣ краткость и сжатость суть главныя черты всѣхъ изслѣдованій автора во второмъ періодѣ, а изслѣдованія другихъ путеводители его въ этомъ дѣлѣ.

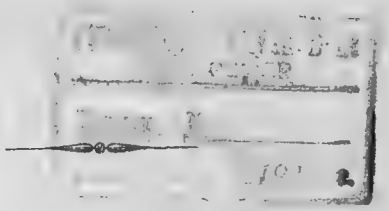
Въ своихъ *общихъ замѣчаніяхъ* онъ 1) обозначаетъ главныя характеристическія *черты* развитія судебныхъ доказательствъ во второмъ періодѣ. Черты эти схвачены и указаны вѣрно; 2) излагаетъ *причины* измѣненій, произшедшихъ въ этой системѣ. Важнѣйшая причина, изъ которой проистекли болѣе или менѣе всѣ эти измѣненія, по его мнѣнію, заключается, *безспорно* (?) въ дальнѣйшемъ развитіи самаго быта нашихъ предковъ (стр. 139), именно въ образованіи *государственнаго* быта, вмѣсто прежняго *общиннородоваго*; 3) исчисляетъ *главныя явленія*, въ которыхъ обнаружилось вліяніе этого новаго начала на развитіе системы судопроизводства вообще и системы судебныхъ доказательствъ въ особенности. Все основное преобразованіе этой системы сочинитель признаетъ послѣдствіемъ распаденія общественной нравственности, а отчасти ослабленія общиннородоваго быта. Съ постепеннымъ разрушеніемъ его, мѣсто взаимнаго довѣрія заступило, будтобы, въ гражданскихъ отношеніяхъ недовѣріе, лицемѣріе, егоизмъ; нарушенія правъ и вообще частныя враждебныя отношенія стали чаще. Частныя сдѣлки, совершавшіяся безъ посредства правительства, не могли обезпечивать противъ обмановъ и злоупотребленій. Послѣдствіемъ всего этого была *система укрѣпленія гражданскихъ* правъ *письменными актами*. Впрочемъ самъ сочинитель, въ слѣдъ за

этимъ, продолжаетъ, что эти акты составлялись *сначала для памяти*, отъ чего нѣкоторые изъ нихъ носили названіе *памятей*. Стало быть съ нимъ можно еще *поспорить* о главной причинѣ главнѣйшихъ измѣненій въ системѣ судебныхъ доказательствъ 2-го періода, т. е. объ ослабленіи *общиннородоваго быта* и о распаденіи отъ этого народной нравственности, и тѣмъ болѣе, что самъ онъ утверждаетъ въ слѣдъ за этими выводами стр. 150, что общинный бытъ долго еще господствовалъ въ сѣверной Россіи, именно въ Новгородѣ и Псковѣ, что тамъ онъ еще *развился* (?) и усилился, что этотъ бытъ Новгорода остался безъ развитія (?) до послѣднихъ дней его политической независимости; между тѣмъ въ системѣ судебныхъ доказательствъ Новгорода находимъ, между прочимъ, *управы* или письменные документы стр. 151, тоже и въ Псковской стр. 153 системѣ.

Обращаясь ко *второй части* разсужденія Г. Пахмана о судебныхъ нашихъ доказательствахъ втораго періода, именно къ очерку каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, находимъ въ ней, хотя краткое, но вмѣстѣ ясное и отчетливое изложеніе ихъ. Сочинитель пользовался при этомъ источниками и чужою разработкою ихъ; послѣднею впрочемъ не рабски, но съ критикою и самостоятельностію. Нельзя, однакоже, не замѣтить того, что, излагая систему судебныхъ доказательствъ втораго періода, онъ имѣлъ постоянно въ виду современную положительную и теоретическую. Отъ этого положенія и выводы, приписываемые фактамъ, иногда оказываются принадлежащими автору или новѣйшимъ системамъ. Таково напр. мнѣніе о необходимости *добровольнаго* признанія стр. 154, объ *устномъ* и *письменномъ* признаніи стр. 156, о *допросѣ* для полученія признанія (въ приведенномъ въ этомъ мѣстѣ текстѣ выражено увѣщаніе только подсудимаго, а не допросъ его) стр. 156, о необходимости присяги свидѣтелей передъ допросомъ ихъ стр. 175. — Наконецъ, выслушавъ положеніе сочинителя, что съ ослабленіемъ началъ быта общиннородоваго, *обыскъ* потерялъ значеніе *безусловнаго*, *несомнѣннаго* основанія въ рѣшеніи дѣлъ судеб-

ныхъ, стр. 199, спросимъ его: а развѣ прежде, когда не было обыска или когда авторъ замѣтилъ только слѣды его, онъ составлялъ безусловное доказательство? Какими историческими фактами можно подтвердить это? —

Изъ представляемаго разбора разсужденія Г. Пахмана видно: что оно непринадлежитъ къ числу обширныхъ историческихъ сочиненій; авторъ избралъ для своихъ изслѣдованій изъ системы гражданскаго судопроизводства предметъ, конечно, довольно важный, но вмѣстѣ спеціальный; 2) при изложеніи системы нашихъ судебныхъ доказательствъ онъ ограничился только фактическою разработкою ихъ; 3) вниманіе свое остановилъ преимущественно на первомъ періодѣ; 4) его историко-философскіе взгляды и начала, по мѣстамъ имъ высказанныя, оказываются большею частію шаткими и недостаточными. Съ другой стороны разсужденіе это обнаруживаетъ начитанность въ авторѣ и историко-юридическія свѣдѣнія, замѣчательный критическій тактъ и представляетъ отчетливую фактическую разработку предмета. Соображая то и другое, я нахожу совершенно справедливымъ удостоить это разсужденіе почетнаго отзыва, тѣмъ болѣе, что оно заставляетъ питать пріятную надежду, что Г. Пахманъ представитъ современемъ болѣе обширное историческое сочиненіе, которое доставитъ поводъ рецензенту его, просить Академію объ удостоеніи, а Академія удостоитъ его Демидовской денежной преміи.



10-й